

# СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

А. Г. Дружинин<sup>1</sup>

## «ПРИЧЕРНОМОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Причерноморье (как особый геополитический и геоэкономический метарегион; устойчивая, полицентрическая, асимметричная по характеру системоформирующих связей и уровню социально-экономического развития группировка разномасштабных территориально-акваториальных социально-экономических регионов и государств [1]), будучи расположенным на одном из наиболее важных евразийских «перекрестий», выступает традиционным, наиболее значимым (и чувствительным для двухсторонних отношений) ареалом российско-турецкого взаимодействия.

Представляя собой, отчасти, «естественный» (и, при этом, наиболее эффективный) коммуникационный коридор и, одновременно, барьерное пространство между Россией и Турцией, отчасти – важнейшую составляющую обширнейшего совместного геоисторического наследия [2] двух этих стран (своего рода – ареал их «маятникового» редоминирования), отчасти – наиболее «приближенную» (географически, исторически, ментально) сферу взаимопересечения российских и турецких актуальных геостратегических интересов, Причерноморье (ситуация в нём, позиционирование в метарегионе ведущих мировых и региональных центров силы) – всё более зависимо от российско-турецкого диалога, (подверженного эпизодически возникающей турбулентности [3], но, тем не менее, всю последнюю четверть века являющего, как видится, в целом позитивный, восходящий тренд), выстраиваемого в сложном, спонтанно видоизменяющемся общеевразийском контексте.

В последние годы категория «Евразия» (равно как и её многочисленные производные) обретает всё возрастающую популярность; активно используется она в политическом лексиконе, присутствует в научном дискурсе, неизменно фигурирует в СМИ (причём, не только российских), и всё это, в совокупности, – симптоматично, наглядно иллюстрирует тренд, корреспондирует со значимыми для России и мира в целом геополитическими и геоэкономическими обстоятельствами.

<sup>1</sup> Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Распад СССР и последовавшее за этим разрушение просуществовавшей почти столетия архитектуры биполярного мира сопровождались, с одной стороны, возрождающимся интересом к геоконцепту «Евразии», с другой – началом фактической дезинтеграции того, что и подразумевалось ранее под «евразийским пространством» (закамуфлированном впоследствии в аморфную, транзитивную по своей сути структуру СНГ). Параллельно усиливалось влияние (давление) на постсоветские государства экзогенных геоэкономических и геополитических сил, а сама «Евразия» всё больше стала восприниматься глобальными и региональными акторами в качестве приоритетного ареала геостратегического «передела» (по выражению З. Бжезинского [4], «шахматной доски», на которой продолжается борьба за мировое господство).

Геополитическое и геоэкономическое «продвижение» Запада (ЕС, НАТО, в целом евроатлантических структур) на восток (неуклонно продолжающееся и поныне, что наглядно подтверждают трагические события 2014 г. на Украине), существенное укрепление внешнеэкономических позиций Китая в государствах Средней Азии, Монголии, в ряде российских регионов Сибири и Дальнего Востока, усилия Турецкой Республики обрести лидерство в тюркоязычном мире, ренессанс и частичная радикализация Ислама – всё это благоприятствовало тому, что постсоветская «Евразия» существенно «расширилась» (товарно-сырьевыми потоками, рынками, внешними «центрами силы» и геокультурными доминантами) и, одновременно, «сжалась» (по мере сокращения сферы применения русского языка, трансформации идентичностей, переориентации экономических связей и др.), испытывая интенсивную эрозию, обретая обновлённую структуру. Во многом вне связи с политическими декларациями, внешнеэкономические (а параллельно, геокультурные, геополитические) взаимоотношения новых независимых государств обрели многовекторный характер, оказались ориентированными не только на Россию, но и на ведущие экономические державы Запада, Китай, Турцию, на своих ближайших соседей. Характерно, при этом, что Российская Федерация выступала в качестве приоритетного внешнеторгового партнёра для Белоруссии, Армении, Литвы и Молдавии, занимая, также, весомые позиции на рынках Латвии, Польши и Финляндии. Турция же – существенно потеснила Россию на рынках Грузии (доля Турции в импорте этой страны – 17 %, тогда как России – только 7), одновременно соперничая с нами в экономическом пространстве Азербайджана (13,7 и 14,1 % соответственно). Отнюдь не Россия, а именно Китай, по ситуации на 2013 г., являлся основным внешнеторговым аттрактором для Казахстана (фокусируя на себе 19,3 % экспорта и 28 % импорта этой страны); аналогичным образом КНР «переключила» на себя внешнеторговые потоки Туркменистана (69,6 и 19,5 %) и Монголии (89 и 37,5 %), на равных конкурируя с Россией на рынках Узбекистана, Таджикистана (хотя, экспорт этой страны во многом ориентирован на Турцию), а также Киргизии (на КНР приходится более половины всего её импорта).

Анализируя евразийские реалии, важно осознавать, что в своей двуединой общественно-географической ипостаси (т. е. «насыщенного» пространственными системами, процессами и потоками массива территории, пространственного социально-экономико-культурного феномена и, одновременно, ментального конструкта – рисунок) Евразия ныне многомерна, являет множественность нестатичных и фактически взаимопересекающихся «евразийских пространств». Её основой выступает сочетание доминантных геоэкономических взаимодействий (выстраиваемых, прежде всего, локализованным рынком энергоносителей и связанными с ним центрами концентрации и каналами перераспределения формируемой природно-ресурсной ренты), геодемографических процессов (а соответственно, и миграционной, этнокультурной, этноконфессиональной динамики), а также соразвитие сложившихся (равно как и новых, обретающих потенциал) «центров силы», выстраиваемых ими форматов межстрановой евразийской интеграции (Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический союз, СНГ, ШОС, ОДКБ, ГУАМ, СДВ, и др.). Отчасти на «фундаментах» Российской Империи – СССР, но во многом и вне прямой связи с ними, последние два десятилетия формируется новая, многополюсная Евразия, своего рода **«Мега-Евразия»** [5]. На этом фоне в качестве масштабной доминанты постсоветского пространства (равно как и сопредельных с ним территорий) всё рельефнее предстаёт трансграничная *«евразийская полипериферия»* (**полизависимая периферия**) – фрагментированная, полиэтническая, с многоукладной экономикой, протянувшаяся широкой полосой от Балкан до Дальнего Востока, всё заметнее расширяющая своё присутствие, в том числе и на территории Российской Федерации [6].



Инвариантность категории «Евразия»

В то время как геоэкономические интересы самой России всё больше выходят за рамки постсоветского пространства, пролонгируется, усиливается берущая свои истоки с начала 1990-х годов *интернационализация евразийского дискурса*, расширение его географических, цивилизационных «рамочек».

Упрощённое и прямолинейное пространственное отождествление Евразии и России (базирующееся на реалиях и образах прошлого) оказывается в данном контексте всё менее и менее корректным, рациональным, оправданным. Ему на смену должна придти более усложнённая по своей конфигурации модель, в которой Российская Федерация и, даже, локализованный в пределах материка так называемый «Русский мир» (чья трансграничная, глобальная география – итог не только распада СССР, но и многоволнового «выплеска» русской культуры и её носителей за исторические и геополитические рубежи России) – важная, неотъемлемая, но, при этом, лишь *часть* общей евразийской структуры. С 1990-х годов всё более активную и важную роль в последней начинает играть Турция – по существу не только один из приоритетных евразийских партнёров России, но и (в стратегической перспективе, в зависимости от направленности тренда, конкретного геополитического, геоэкономического, геодемографического и геокультурного контекста) её стратегический союзник, конкурент, гипотетический «дублёр», альтернатива.

Важно учитывать, что на интенсивность (и тональность) российско-турецкого диалога все последние годы неизменно воздействовали (и ныне продолжают влиять):

- «историческая колея» двухстороннего политического и экономического взаимодействия; приверженность взятым ранее союзническим обязательствам с «третьими странами» и их объединениями;
- прагматические экономические (внешнеэкономические) интересы;
- степень и эффективность как собственной евразийской геополитической и геоэкономической активности, так и аналогичных действий «противоположной стороны»;
- внутриполитический расклад сил в каждой из стран, возможность воздействия на него с помощью «внешних» событий и их образов;
- планетарная и общеевразийская геополитическая и геоэкономическая архитектура, наличие общих угроз и вызовов, а также степень солидарности с мнением (и поведением) доминирующих геополитических акторов.

Характерно, что именно распад СССР и последовавший за ним непродолжительный период наибольшей геостратегической пассивности (и слабости) России, однозначно, воспринимаются турецкими исследователями как рубежный переход от «напряжённого» характера взаимоотношений России и Турции [7] к отношениям «дружественным и теплым» [8]. В рамках Договора от 25 мая 1992 г. Россия и Турция провозгласили друг друга «дружественными государствами»; в том же году подписано (инициированное ранее, в 1990 г., тогдашним президентом Турции Тургуттом Озалом) соглашение о черномор-

ском экономическом сотрудничестве. На этом фоне стал активно развиваться российский «челночный бизнес», выступив фактической предтечей последующего (с рубежа 2000-х гг.) «взрывного» наращивания двухсторонних внешне-торговых отношений, что также благоприятствовало ускоренному «размыванию» ранее сложившейся преимущественной «барьерности» черноморских геостратегических рубежей. Параллельно чётко проявился «евразийский вектор» интересов Турции: в 1992 году в рамках министерства иностранных дел организовано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТІКА); за этим последовало создание Совместного управления тюркской культуры и искусств (TÜRKSÖY), нацеленное на распространение в «тюркских» (по доминирующей этнолингвистической составляющей) регионах и государствах турецких школ, латинского алфавита и турецкого языка; 30-31 октября 1992 года в Турции был проведен первый «тюркский саммит», в котором приняли участие главы всех тюркоязычных республик. В этот же период создаётся канал «TRT Евразия»; с целью финансирования инвестиций в данный метарегион основан турецкий Eximbank, а «Турецкие авиалинии» начали осуществлять регулярные рейсы в Азербайджан и столицы среднеазиатских тюркоязычных республик. Характерно, что многие западные государства, прежде всего США, в явной или скрытой форме поддерживали подобные инициативы Турции [7], поскольку они полностью корреспондировали с продекларированными чуть позднее (вторая половина 1990 – начало 2000-х) стратегическими установками на передел советского «геополитического наследия».

Возникшее во второй половине 1990-х непродолжительное «похолодание» в турецко-российских отношениях видится результатом не только действий Турции, внёсшей в 1994 и 1998 гг. изменения в национальные Регламенты судоходства в Проливах, либо проявленной Российской Федерацией решимости отстаивать свои позиции и интересы на Северном Кавказе, но и того немаловажного обстоятельства (симптоматично фиксируемого турецкими авторами [7]), что усилия Турецкой Республики по расширению сферы влияния и конструированию «тюркского мира от Адриатики до Великой китайской стены» – не дали быстрого ожидаемого эффекта. Более того, по мере фактического вторжения (а именно так оценивает ситуацию видный эксперт по средиземноморско-черноморской тематике, А.А. Язькова [9]) в черноморско-каспийское геополитическое пространство (и далее) внешних сил (прежде всего Соединённых Штатов и Евросоюза), «евразийский» вектор геополитики нашего южного черноморского соседа заметно утратил былую аттрактивность для большинства постсоветских «тюркских» государств, отошёл (в их внешнеполитической повестке) на «второй план». Россия же, напротив, обретая значение одного из ведущих глобальных экспортёров энергоресурсов и став привлекательной для мигрантов – наращивала потенциал экономического (и, соответственно, политического, культурного) взаимодействия с сопредельны-

ми странами, в том числе и с самой Турецкой Республикой, где, тем временем, также происходили значимые, двоякие по своему вектору перемены.

С одной стороны, на фоне ощутимого демографического роста (только за последние восемь лет численность населения Турции увеличилась на 10 млн. человек или на 14,3 %; всего же с момента образования Турецкой Республики в 1923 г. её демографический потенциал возрос с 12,5 до 76 млн. человек, т. е. в 6 раз) страна демонстрировала завидные (из других евразийских «центров силы» уступающие лишь Китаю) темпы экономического развития (с 2000 г. среднегодовая положительная динамика ВВП Турции составила 4,8 %). Необходимо подчеркнуть, что в последние годы рост населения (прогнозируемый и на перспективу; так по оценке Турецкого института статистики к середине XXI века численность населения республики будет варьировать в диапазоне от 94 до 110 млн. чел.) подкрепляется опережающим ростом его доходов и платёжеспособного спроса, что создаёт существенную эндогенную основу для стабильного социально-экономического развития, расширения Турцией мирохозяйственных связей, всё более уверенного её позиционирования как «де факто» крупной региональной державы.

С другой стороны, – рост геоэкономического влияния Турции с середины «нулевых» годов сопровождался некоторой «девестернизацией» её внешнеэкономических связей, всё заметнее переориентирующихся с традиционных рынков «евроатлантических стран» на восток, север, юг, обретая, тем самым, безусловный «евразийский» вектор. Так, к примеру, если в 2004 г. совокупная доля Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Голландии и США в турецком экспорте составляла 51 %, то в 2013 – лишь 33%. Аналогичным образом сократилась и зависимость Турецкой экономики от импорта западных стран. Характерно, что в 2012 г. традиционный экономический (и геополитический) партнёр Турецкой Республики – Германия – по объёму экспорта в Турцию уступила Китаю, который, в итоге, стал вторым (после России) поставщиком товаров на турецкие рынки.

Новые геоэкономические реалии преопределили всё возрастающую зависимость Турецкой Республики от масштаба и характера взаимодействия с Российской Федерацией, другими значимыми экспортёрами энергоресурсов, подкрепили предпосылки частичной реисламизации Турции, а на многие десятилетия затянувшаяся пауза с решением вопроса о приёме страны в ЕС (с 1963 г. она является его «ассоциированным членом»; в 1987 г. – подала официальную заявку на вступление; 1999 г. – была внесена в список кандидатов на вступление в Евросоюз) создала благоприятную среду для симптоматичных, существенных подвижек в общественном сознании: так, по данным Центра европейских исследований Босфорского университета, если в 2003 году число турецких граждан положительно относящихся к вхождению Турции в ЕС составляло 69,3%, то уже в 2012 году этот показатель опустился до 47,1 %; число лиц, негативно относящихся к идее вступления Турции в Евросоюз, при этом,

из года в год растет. Одновременно все меньшее число турецких респондентов начинают воспринимать свою страну как часть Европы: если в 2003 году 70 % опрошенных респондентов считало Турцию географической составляющей Европы, то к настоящему времени этот показатель упал до 46 % [2]. Характерно, в этой связи, что весной 2011 г. Турция подала заявку на вступление в ШОС, а в 2012 – получила в этой организации статус «партнёра по диалогу». Идея включённости в евразийские процессы, осознание всё возрастающего значения «евразийского вектора» в политике страны, в выборе геоэкономических и геополитических ориентиров, созвучности «евразийства» национальным интересам, становится в Турецкой Республике всё популярнее [10]. Имеет место (обретая всё более широкое распространение) и взгляд на турок и русских как «родственные сообщества» с единой «евразийской идентичностью» [11].

В контексте вышеназванных геополитических и геоэкономических трансформаций, с рубежа III тысячелетия в российско-турецких двухсторонних отношениях «вступили в силу конструктивный язык политики и элементы доверия» [12], подкрепляемые высокой динамикой наращивания внешнеторговых связей. Вплоть до глобального кризиса 2008 г. стабильно рос объём турецкого экспорта в Россию (таблица).

Таблица

Объём внешней торговли между Россией и Турцией (в динамике)\*

	2004	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Объём экспорта Турции в Россию, млн. долл. США	1859	3237	6483	3189	4628	5992	6680	6964
Объём экспорта России в Турцию, млн. долл. США	9033	17806	31364	19460	21600	23952	26625	25064
Доля России в экспорте Турции, %	2,9	3,8	4,9	3,1	4,1	4,4	4,4	4,6
Доля России в импорте Турции, %	9,3	12,8	15,5	13,8	11,6	9,0	11,3	10,0
Сальдо торгового баланса России и Турции	7174	14569	24881	16271	16972	17960	19945	18100
Соотношение объёма российского экспорта в Турцию и турецкого – в Россию	4,85	5,50	4,85	6,10	4,67	3,99	3,98	3,59

\* Составлено по данным Турецкого института статистики

2008 год оказался «пиковым» и по величине российского экспорта в Турцию (в частности, обеспечивающей за счёт российских поставок две трети своих потребностей в природном газе [13]). На этой основе всё заметнее очерчивались контуры «стратегического сотрудничества» России и Турции (ограничиваемого преимущественно такими секторами, как торговля, туризм и энергетика [14]), в котором всё более значимую роль приобретало именно при-

черноморское позиционирование (и взаимодействие) двух стран. Не случайно и российско-турецкое геэкономическое (отчасти – геополитическое) «сближение», и проявившаяся с 2010 г. некоторая «пауза» в поступательной динамике межгосударственных отношений – хронологически практически совпали с поэтапным (но последовательным) «возвращением» России в Причерноморье (согласуясь с И. М. Бусыгиной [15], что первое постсоветское десятилетие этом метарегион фактически пребывал на периферии внешнеполитического курса РФ).

Именно с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в связи со «взрывным» наращиванием Россией объёмов поставок на мировой рынок энергоносителей, экспортом металла, зерновых, подсолнечника (и параллельным ростом импортозависимости) в Причерноморье оказались реализованы крупные инвестиционные проекты – наподобие КТК, «Голубого потока», реконструкции Новороссийского морского порта и др. Характерно, что если к середине 1990-х гг. грузооборот Новороссийска (доминирующего в масштабе не только Юга, но и России в целом) составлял лишь чуть более 52 млн. тонн [16], то к 2012 г. он достиг 159 млн. тонн (в 2013 – 141 млн.). Через портовые терминалы Юга России в настоящее время проходит около 30 % всего экспорта нефти и нефтепродуктов страны.

Усилия России по формированию на её приморских юго-западных рубежах не только крупных транспортно-логистических комплексов, но и, в целом, своего рода «Причерноморской дуги опережающего развития» – подкрепили инвестиции в организацию и проведение XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи (благодаря «олимпийскому проекту» Краснодарский край на целое пятилетие получил возможность практически удвоить ежегодный объём инвестиций в основной капитал; численность населения г. Сочи в этот период устойчиво росла в среднем на 2 % в год) [17].

В итоге, для современной России Причерноморье обрело не только транспортно-логистическую, коммуникационную ценность, но и явилось одним из немногих реальных «полюсов» демографического (и социально-экономического) роста, всё более утверждаясь (по мере перехода к «постсекулярному обществу» [18]) как неотъемлемая (и значимая) часть национального географического, исторического, экономического и культурно-сакрального пространства.

Возвращение Крыма в состав российской юрисдикции не только существенно видоизменило ситуацию в Причерноморье, но и обнажило общие фундаментальные «подвижки» в общеевразийской и глобальной геополитической архитектонике. Турецкие аналитики (а в системе «причерноморских интересов» Турецкой Республики весь постсоветский период Крымский полуостров занимал особое, приоритетное место) это констатируют так: «После крымского референдума 16 марта мир изменился... снова стал многополярным... Путин и Россия действительно вышли за рамки реальности, которую



применительно ко всему миру рисует Запад» [19] и «российское «красное яблоко» (в тюркской мифологии – мечты о далеких плодородных землях и символ мирового господства) стремительно возвращается к своим историческим кодам» [20].

Современное «Российское Причерноморье» (географически расширившееся и подкрепляемое государственной финансовой, инфраструктурной и военно-силовой поддержкой) объективно «вклинилось» в Причерноморье евроатлантическое (рассматриваемое стратегами Запада как часть всё более активно «осваиваемого» евразийского пространства, связующее звено между ЕС и «Большим Ближним Востоком» [21]), став его внятной контрверсией. Это вызвало, в свою очередь, дальнейшую геополитическую фрагментацию мегарегиона (образование в нём как новых барьеров, «линий разлома», так и, фактически, – выход на авансцену нескольких альтернативных геоконцептов «Причерноморья»), существенно снизило действенность сформированных в предшествующие два десятилетия межгосударственных форматов причерноморского сотрудничества (наподобие ОЧЭС, «Черноморской синергии» и т.п.). Кроме того, украинский кризис ознаменовал собой появление в Причерноморье (и ранее пребывавшего в состоянии «имманентной нестабильности» [22]), ещё одного крупного очага военно-политического противостояния. Наконец, в ходе мартовских событий 2014 г. произошло более глубокое «взаимонапластование» сферы российских геостратегических интересов и причерноморского сегмента так называемого «Турецкого Мира» (Türk Dünyası).

Как (не без основания) полагает профессор Измирского университета Нежат Таракчи, «турецкая внешняя политика определяется сегодня исключительно национальными интересами» [23]. Стремясь реализовать себя как «региональная сила» [24], как страна-транзитёр и посредник [14] и, вероятно, не желая жертвовать вновь наметившейся позитивной динамикой внешнеторговых взаимодействий с Российской Федерацией (с 2009 года объём экспорта Турции в Россию год от года устойчиво растёт, превысив «докризисный» уровень), официальная Анкара даже в ситуации украинского кризиса не солидаризировалась с политикой Запада (хотя и поддержала в марте резолюцию Генеральной ассамблеи ООН по Крыму), отказавшись от ввода антироссийских санкций. На этом фоне, в изданиях некоторых турецких «мозговых центров» тиражируются (к сожалению!) суждения, что укрепление России «исторически невыгодно Турции» [8], а активность нашей страны не оставляет Турецкой Республике «пространства для маневра во всей Евразии» [14], а также, что «поиски союза по оси Турции и России... того и гляди утонут в глубоких водах Черного моря» [20]. Однако, как это убедительно продемонстрировал состоявшийся в начале декабря 2014 г. Государственный визит Президента РФ в Анкару, российско-турецкая геостратегическая «связка» уже располагает существенным «запасом прочности», а Турция обладает желанием (и политической волей)

продуктивно использовать в своих геоэкономических интересах новую геополитическую ситуацию.

Отказ от строительства «Южного потока» в пользу «турецкого маршрута» для российского природного газа существенно повышает *меридиональную коммуникативность* причерноморского пространства, выводит на авансцену (в качестве особого геоэкономического конструкта) **Российско-Турецкое Причерноморье**, «осевым элементом» которого призвана стать нарастающая свой потенциал газотранспортная система, а хозяйственно-урбанистическими доминантами – Стамбульская мегаметрополия (вместе с другими территориями Мраморноморского региона вмещающая 23 млн. жителей и концентрирующая 45 % ВРП Турции) и её трансакваториальный «противовес» – «россыпь» российских причерноморско-приазовских групповых систем расселения (Ростовская, Краснодарско-Новороссийская, Симферопольско-Севастопольско-Ялтинская, Сочинская) с суммарным демографическим потенциалом в 6–6,5 млн. человек. Фактически, создаются важные предпосылки для последующего формирования сложного по своей структуре и пространственной конфигурации, асимметричного по экономико-демографическому потенциалу отдельных составляющих, трансграничного (и трансакваториального) метарегиона, причём, в полном смысле – «евразийского», в ещё большей мере подкрепляющего исторически сложившееся значение Причерноморья, как одной из наиболее важных и сложных пространственных проекций отношений между Россией и Турцией.

#### *Литература*

1. Дружинин А. Г. Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23–30.
2. Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.
3. İhsan Tayhani. Tarihte Türk-Rus İlişkileri (1878-1923) // «Dokuz Eylül Üniversitesi Buca Eğitim Fakültesi Dergisi». 2007. № 22. S. 144–151. URL: <http://www.befjournal.com.tr/index.php/dergi/article/view/242/208> (дата обращения: 11.11.2014).
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.
5. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географо-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

6. Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.
7. Muzaffer Ercan Yılmaz. Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus İlişkileri // «Akademik Fener». 2010. № 14.. S. 27–42. URL: [http://www.bjmer.net/Makaleler/828608403\\_27-42%20muzaffer.PDF](http://www.bjmer.net/Makaleler/828608403_27-42%20muzaffer.PDF) (дата обращения: 11.11.2014).
8. Ayhan Kamel. İkinci Dünya Savaşı'nın Bitiminden Günümüze Kadar Türk - Rus İlişkileri // «Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 yıllık süreç». (Ankara. 15-17 Ekim 1997). 1999. URL: [http://www.dispolitika.org.tr/dosyalar/akamel\\_p.htm](http://www.dispolitika.org.tr/dosyalar/akamel_p.htm) (дата обращения: 11.11.2013).
9. Язькова А.А. Перекрёсток многостороннего сотрудничества // Современная Европа. 2009. № 4. С. 23–37.
10. Ибрагимов А, Кахраман С., Чалышкан В. Геополитические контакты России и Турции в условиях многополярного мира // Россия в многополярной конфигурации. Сборник Докладов Международной Конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г.) / отв. ред. д.э.н., проф. С. П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2011. 752 с.
11. Ferit Temur. Türk-Rus İlişkilerine Medeniyetsel Bir Bakış // Stratejik Düşünce Enstitüsü). 15.07.2014 года // URL: <http://www.sde.org.tr/tr/newsdetail/turk-rus-iliskilerine-medeniyetsel-bir-bakis/3801> (дата обращения: 11.11.2014).
12. Kerim Has. Bölgesel Krizlerin Etkisinde Türk-Rus İlişkilerinin Dönüşümü // Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu (USAK)). 1.11.2011. URL: <http://www.usakgundem.com/yorum/489/b%C3%B6lgesel-krizlerin-etkisinde-t%C3%BCrk-rus-%C4%B0li%C5%9Fkilerinin-d%C3%B6n%C5%9F%C3%BCm%C3%BC.html> (дата обращения: 11.11.2014).
13. Gökçe D. Obama'dan sonra Putin, Akşam Gazetesi, 14.11.2010.
14. Göktürk Tüysüzoğlu. Türkiye-Rusya İlişkileri: Yüksek Düzeyli Stratejik Rekabet // Uluslararası Politika Akademisi. 26.11.2013 года. URL: <http://politikaakademisi.org/turkiye-rusya-iliskileri-yuksek-duzeyli-stratejik-rekabet/> (дата обращения: 11.11.2014).
15. Бусыгина И. М. Пространственные стратегии ЕС и России в Причерноморье // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Язьковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15–18 мая 2011). Москва: изд-во «Вузовская книга», 2011.
16. Дружинин А. Г., Бурцев В. И. Развитие регионального рынка портовых услуг Юга России // Известия ВУЗов Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2.

17. Дружинин А. Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географо-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.
18. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Издательство «Весь мир», 2011. 336 с.
19. Hayrat Celal. 16 Mart sonrası dünya değişti. «Yeni Mesaj», 14.04.2014.
20. Mehmet Seyfettin Erol. Üçüncü Devletlerin Doğuşu ... «Milli Gazete», 02.06.2014.
21. Aliboni R. “Globalization and the Wider Black sea area: Interaction with the European Union, eastern Mediterranean and the Middle east” Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 6, June 2006, pp. 157–168.
22. Язькова А.А. Черноморский регион: современные факторы геополитики и геоэкономики // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Язьковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15–18 мая 2011). Москва: изд-во «Вузовская книга», 2011.
23. Таракчи Нежат. Статья самостоятельным геополитическим игроком – иного не дано // «Еженедельник 2000». 22.11.2012. URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/puls/85669> (дата обращения: 30.11.2014).
24. Furkan KAYA. Türkiye'nin Enerji Stratejisi // Uluslararası Politika Akademisi). 17.02.2013 года. URL: <http://politikaakademisi.org/turkiyenin-enerji-stratejisi/> (дата обращения: 11.11.2014).

С. А. Сухинин<sup>1</sup>

## ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТИВИЗАЦИИ ТУРИЗМА В ПОСТОЛИМПИЙСКОМ СОЧИ<sup>2</sup>

Большой Сочи традиционно является ведущим курортно-туристическим регионом России. Активизация как внутреннего российского, так и иностранного въездного туризма здесь во многом связана с проведением в регионе XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Паралимпийских игр в 2014 году. Для организации и проведения этих крупных международных спортивных мероприятий в городе были созданы спортивные сооружения, размещающиеся в двух кластерах – Прибрежном, охватывающем Олимпийский парк на Имеретинской низменности непосредственно на побережье Чёрного моря, и Горном кластере, объекты которого размещены в районе горнолыжного курорта Красная Поляна [1].

<sup>1</sup> Сухинин Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

<sup>2</sup> Исследование выполнено в рамках проекта 213.01-11/2014-77ПЧ.